

Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии

А.А. Гостев (Москва)

Менталитет и образная сферы человека

Задачей нашего исследования является *психологическое* осмысление православно-христианского мировоззрения/мировосприятия/мироощущения в связи с изучением современного российского менталитета – как в его целостности, так и в специфике по субъектам-носителям. Эта задача требует от исследователя менталитета (ментальности) открытости всем областям человекознания и привлечения вненаучного знания по теме¹. Данное утверждение относится также к современной психологии в целом, которая должна активнее включаться в междисциплинарный дискурс.

Актуальность изучения менталитета некоей общности людей не требует доказательств. Менталитет, влияя на понимание и оценку происходящего в мире и стране, является призмой для мировосприятия, фактором построения интегрального образа реальности (картины мира). Соответственно, менталитет выступает многоуровневым регулятором поведения людей. Поэтому отрадно, что психологическая наука обратилась к разработке данной проблемы. Попытки в этом направлении уже предпринимались, в частности, в Институте психологии РАН (например, см. Абульханова, 1997). Вместе с тем, несмотря на актуальность проблемы, знание о природе и механизмах менталитета народов, субкультур, социальных групп все еще является недостаточным. Мы по-прежнему мало знаем и о менталитете в плане психологического раскрытия данного понятия, и о ментальности конкретных групповых субъектов (социальных общностей людей). Например, важнейшим вопросом, имеющим большую практическую значимость, является *соотношение уровней* ментальности: от макрообщностей, включенных в нее общностей различного масштаба – наций, народов, культур и субкультур, больших и малых социальных групп – и до индивидуального субъекта как представителя конкретной ментальности.

Менталитет социальных общностей различного содержания и масштаба обобщенно выступает для нас как *специфика психического отражения и регулирования на уровне сознания/неосознаваемого группового субъекта и его представителей*. Он выражается в

¹ см.: Гостев, 2007а; 2007б; 2007в; 2008; Гостев, Елисеев, Соснин, 2002; Гостев, Елисеев, Фомин, 2006; Кольцова, 2008 и др.

том, как групповые и индивидуальные носители данного менталитета воспринимают мир и самих себя. В связи с этим представляется важным раскрытие особенностей взаимосвязи индивидуального и коллективного сознания на различных уровнях ментальности – от его более общих особенностей через специфические черты и к индивидуальным проявлениям.

Очевидно и то, что исследование менталитета неотделимо от проблематики социального восприятия: *менталитет может быть рассмотрен как совокупность социальных представлений*. Выявление содержания социальных представлений каждого группового субъекта помогает раскрыть особенности его ментальности. В свою очередь, анализ социальных представлений предполагает рассмотрение взаимосвязи сознания и «неосознаваемого» как актуального вопроса изучения менталитета.

Социальные представления на уровне индивидуального носителя являются элементами образной сферы человека (Гостев, 1998; 2007б; 2008). Перенос ее характеристик на групповой уровень, следовательно, открывает дополнительные возможности изучения менталитета. Так, одной из главных функций образной сферы человека является трансляционная функция (Гостев, 2007б; 2008), ответственная за отражение и регулирование в процессе контакта субъекта с латентными для осознания областями своего внутреннего мира в единстве его реальных и идеальных измерений². Трансляционная функция, будучи связанной с *познанием духовной реальности*, выступает, соответственно, одним из высших уровней *психической саморегуляции*. Иными словами, для изучения менталитета важно, что трансляционная функция образной сферы раскрывает связи осознаваемого содержания внутреннего мира личности с неосознаваемыми сферами психики, в том числе с представленным в человеке мирозданием³, включая «высшую реальность», пока все еще игнорируемую сциентистско-позитивистским психологическим познанием. Через образный опыт человек встречаемся с духовно-нравственными смыслами с символами мифологического, мистического, религиозного содержания. Это неотъемлемый компонент ментальности в ее метафизическом аспекте (Гостев, 2008). В имаго-символосфере общества, субкультуры, т.е. в совокупности доминирующих в них внешних образов (СМИ, рекламы, интернета и т.п.), мы также видим смыслы, отражающие ментальность группового субъекта.

²Мы говорим о функции, связанной с «перенесением в сознание», «переводом в пространство переживаний» субъекта латентной информации о мире и самом себе. Понятие «трансляционности» при этом выражает идею непосредственного показа субъекту психического материала на некоем, говоря метафорически, «внутреннем экране», и переживания, понимания этих «картинок». Поскольку огромная информационная емкость симультанно предстает перед внутренним взором человека, появляется возможность отражения разных уровней бытия, их роли в формировании индивидуальной картины мира. В исследовании трансляционной функции образной сферы человека мы выходим на проблемы символического познания мира, роли нравственно-духовных смыслов, открывающихся в образном опыте.

³ О теме «микрокосм – макрокосм» в психологии см.: Гостев, 2008; Слободчиков, Исаев, 1995; Рубинштейн, 1997; Сухарев, 2008.

Поскольку изучение менталитета группового субъекта через социальные представления неотделимо от проблемы коллективного сознания/бессознательного, современная психология обычно апеллирует к идеям К. Юнга. Но достаточно ли объяснительного потенциала «юнгианства», при всей его популярности? Несомненно, оно – некий символ открытости психологии познанию духовности человека, по крайней мере, приобщенности к таинственным сферам с их сложными закономерностями. Это шаг вперед, который психология пока себе позволила. Но все же есть основания считать этот шаг лишь призывом идти дальше, искать новые основания «метафизики коллективного бессознательного» как *главной опоры* менталитета. Психология использует юнгианский подход в поисках объяснения онтологии «внутреннего бога», «морального начала» и других понятий, связанных с идеей духовности. Но при этом необходимо иметь в виду два момента, во-первых, получаемое на основе этого подхода знание во многом иллюзорно и не раскрывает в полной мере реальности духовного мира человека, во-вторых, при этом все еще игнорируются другие познавательные каналы, освещающие неосознаваемые сферы души. В качестве аргумента для подтверждения этого вывода, отметим, что, например, прояснение субстанциональности «архетипического алфавита» требует более глубокого осмысления того, что «коллективное бессознательное» размыкается на реальный «мир Духа» – с его положительным и отрицательным метафизическим знаком влияния на человека и сложнейшими законами, неизвестными психологической науке. Поэтому, раскрывая проблему менталитета, следует искать дополнительные понятия, закономерности, еще неосвоенные психологией и т.п.

Психологические аспекты исторической памяти

С этой точки зрения представляется важным исследование механизмов и закономерностей функционирования *«культуро-генетической памяти»* **ИЛИ КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ??? ВСЕ ЖЕ НАВЕРНО ЛУЧШЕ КУЛЬТУРО-... ИБО РЕЧЬ ИДЕТ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ КУЛЬТУРЫ НАРОДА. А ТО БУДЕТ ЗНАЧЕНИЕ ТИПА КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК** группового субъекта как памяти его социально-исторического опыта. Это предполагает изучение «исторических записей» глобального, регионального, государственного, локального масштабов в «коллективной душе» и форм их воздействия (например, в виде народных обычаев, политических традиций, памятных дат и т.д.) на группового и индивидуального субъекта⁴. Отметим, что в структуре культууро-генетической памяти «образы исторической памяти»

⁴Термин «матрица», который может быть также употреблен, мы избегаем по причине тех духовных смыслов, которые вложены в термин известным одноименным фильмом.

необходимо отличать от «образов архетипического алфавита» в роли единиц коллективного опыта группового субъекта (его «коллективного неосознаваемого»). Иными словами, «образы культуро-генетической памяти» являются: а) «историко-событийными следами-записями» в памяти группового субъекта; б) культуро-специфическими «первообразами», рассматриваемыми в качестве единиц коллективного опыта некоей исторической общности (локальные архетипы культур).

Наличие двух классов образов культуро-генетической памяти ставит важнейшую теоретико-методологическую задачу соотнесения этих образов, как внутри данных классов, так и между ними. Понимание сложных закономерностей интерференции образов как «*историко-событийных следов*» и образов как *первообразов-прототипов* приобретает особое значение. Необходимо осмысливать взаимодействие всех образов, возникших и исходно присутствующих в памяти конкретной социально-исторической общности (а через нее – в ментальности данного группового субъекта).

Принцип перенесения закономерностей образной сферы человека с индивидуального на групповой уровень позволяет говорить не только об образах групповой памяти, но и об образах группового воображения (социальные фантазии-мечты, например, «чаяния народа»), о «коллективных сновидениях»⁵ и даже об образах измененного сознания социальных общностей (в ситуации «психотизации» и «невротизации» общества). Изучение подобных образов открывает выход на проблему искажений социального восприятия на групповом уровне. Вопрос изучения адекватности картины мира выводит исследователя на проблему «духовно-нравственного прельщения» (в терминологии святых отцов) (см. Гостев, 2007б; 2008).

Евразийская детерминанта российского менталитета

Значимый теоретический момент заключается в том, что образы культуро-генетической памяти группового субъекта формируются на фоне непрерывного *диалога* двух основных типов построения отношений сообществ со средой, и, соответственно, двух мировоззрений/мироощущений/ментальностей (Гостев, 1993)⁶. Речь идет об открытом, динамичном (будем называть его «западным») и замкнутом, статичном («восточном») типе «социогомеостаза». При первом типе элементы социосистемы быстро перекомбинируются, обеспечивая интенсивную социальную динамику, приспособляемость к изменениям, порождая, например, индивидуализм, ориентацию на материальный

⁵Можно вспомнить, например, идею группового «сновидящего тела» американского психолога А. Минделла. Однако в виду принципиально иной методологии, в частности, связанной с восточными идеями, типа «сна Браммы», данная идея берется лишь как феноменологическая аналогия – иллюстрация.

⁶Это положение применительно к психологическому уровню развивалось нами в рамках т.н. Синла-концепции (автор А.И. Неклесса) (см. Гостев, 1993). В то же время, отметим, что отражение людьми происходящего на планете и у себя в стране все более определяется планетарным *полилогом* (Гостев, 2008).

прогресс. При втором типе социогомеостаза групповой субъект минимизирует взаимодействие со средой, унифицирует и иерархизирует внутреннюю структуру; в этом случае имеют место монотонная социодинамика с повторением социальных сценариев; централизация общественной и политической жизни в рамках концепции «сверхценности» государства; общинный строй т.п. Важно понимать особенности регулятивного потенциала образов социального восприятия, задаваемых социогомеостазом: каждый из них имеет свою целесообразность для группового субъекта. В частности, «западный» тип предохраняет его от стагнации, а «восточный» – от чрезмерных ускорений. Но оба типа, а тем более их многоуровневая борьба в «матрешке социальных пространств», могут стать источником разрушительных общественных процессов.

Социальная деструкция в ее влиянии на образы культурно-генетической памяти, в свою очередь, определяется взаимодействием неосознаваемых структур индивидуального и группового сознания данной социальной общности. Любой групповой субъект несет в себе *многоуровневую комбинацию* указанных базисных принципов социальной организации. Различие в асимметрии на уровнях сообществ⁷, особенно в переходных состояниях, чреватых бифуркационными изменениями, может приводить к «невротизации» групповых субъектов в виде различных социальных конфликтов, «гражданских войн» и т.п. Именно в этих условиях резко возрастает актуальность изучения *взаимодействия* (а) прототипических, архаичных, (б) конкретных историко-событийных и (в) текущих, современных неосознаваемых структур на индивидуальном и групповом уровнях.

Изучение отечественного менталитета должно учитывать, что социальная жизнь в России всегда определялась *евразийскостью* страны в смысле соединения указанных выше способов социального бытия. Уникальность «государственно-исторической России» как субъекта планетарного взаимодействия – продукт и огромной евразийской географии (по сути, от океана до океана), и многоцивилизационного пространства, имеющего многовековую историю. Опыт пребывания среди центров сил, культур, цивилизаций имеет огромную ценность для человечества.

Русь/Россия была и остается пространством *многоаспектного* контакта Востока (в различных его формах) и Запада. В качестве «восточной» отечественная социосистема отвергает социальную динамику – осознаваемая и неосознаваемая душа народа противятся ей. В качестве же «западной» отечественный макросубъект эту динамику активизирует, стремясь к форме открытого социогомеостаза. Менталитет также отражает

⁷Функциональная асимметрия, обеспечивающая динамическую целостность социосистемы, или деформирующая ее, относится ко *всем* групповым субъектам, проявляясь на различных уровнях по-разному.

эту тенденцию в различных формах ментальности локальных групповых субъектов на этническом, классовом, половом, возрастном, образовательном и т.п. основаниях. Многократные исторические попытки «российских реформ» свидетельствуют о «желании» российской ментальности преодолеть базовое евразийское противоречие и найти соответствие глубинного уровня ментальности нации/народа общественно-государственному устройству.

Образы нашей исторической памяти только за последние три века отражали взаимодействие обоих типов социогомеостаза. Примеры этому – «прорубание окна в Европу» Петром I и весь XVIII в., в котором православное самосознание ломали влиянием инославия и масонства (показательно, что Петра I многие называли антихристом). Далее мы видим усиление влияния западных идей в XIX веке, особенно «вестернизацию» страны с 1861 г.; революционные настроения смены веков; Первую Мировую войну; октябрь 1917 г. как поворот к «ориентализации» общества при подавлении духовно-нравственной традиции (причем, не только православно-христианской); формы азиатской деспотии «тоталитарного социализма»; «новый западный поворот» после Второй Мировой войны; «перестройку» с особым обострением «евразийского противоречия», «шизофренизацией» общества и социальной инволюцией под давлением поспешной «вестернизации сверху» и мощной психоманипуляцией (Кара-Мурза, 2000; Гостев, 2007в; 2008). Отметим, что данные тенденции реализовались именно в такой форме благодаря ослаблению православного мироощущения народа. Относительно последней иллюстрации подчеркнем, что прозападные образы исторической памяти сработали во многом благодаря отсутствию противодействия со стороны еще не восстановленного православного самосознания народа.

В связи с духовно-психологической «евразийскостью» необходимо вспомнить многовековой спор «западников» и «почвенников».

Западопоклонство в России – старая социальная «болезнь». Установка прозападного течения на перестройку социально-политических институтов по европейскому образцу имеет многовековую историю. В последние века было много тех, кто не любил Россию, «как она есть», не понимал Православия, увлекался инославным христианством, масонством, либерализмом, социализмом. «Западники» тяготились самобытностью страны, внедряли идею ее самоуничтожения в общественное сознание. Современное западничество продолжает данную традицию, усилив ее активными действиями по ориентации человека на автономность от религиозных, нравственных, национальных, семейных устоев.

Почвенники-славянофилы, наоборот, восхищались уникальностью Руси, призывали опираться на ее внутренние силы и духовный потенциал народа, развивать их. Европейский опыт воспринимался ими избирательно, особенно в делах веры и государственного строительства.

Исследователям российской ментальности, необходимо помнить, что пагубно и анти-западничество и анти-почвенничество.

Подчеркнем еще раз, что исследование менталитета предполагает изучение образов культурно-генетической памяти в контексте всех исторических влияний в их взаимодействии. Применительно к российской ментальности об этом, в частности, можно говорить в связи с влиянием язычества и других религий – как до принятия Православия, так и при параллельном с ним существовании. Данный вопрос чрезвычайно важен, так как некоторые формы язычества проникли в православное мироощущение, слились с ним, например, в народных праздниках. Другие языческие обряды (например, жертвоприношения богам) были отвергнуты православно-христианским целомудрием. Чрезвычайно важен анализ исторической психологией менталитета наших предков на стыке эпох – до и после принятия Православия. Необходимо реконструировать особенности христианизации Руси в сознании народа. Выбор православной веры из предложенных вариантов (католицизм, ислам, иудаизм) выступает необходимым звеном для понимания последующей истории страны.

Особое значение имеет осмысление влияния практически непрерывной защиты наших предков от иноземных завоевателей. В частности, можно выделить отражения народным сознанием татаро-монгольского периода в исторической динамике. Подчеркнем значимость влияния на русское Православие падения Византии и усиления в этой связи духовной экспансия Запада. Отдельную тему представляет трагедия Церковного Раскола. Более пристальное «историко-психологическое внимание» следует обратить и на эпоху Петра I. Насколько действительно интенсивность «европеизации» страны была адекватной идее постепенного и потому более гармоничного развития российской социосистемы и ее ментальности? Предметом исследования должны стать также следы исторической памяти советского периода. Итак, образы культурно-генетической памяти России в их взаимодействии надо понять и на уровне макропсихологическом, и на уровне глубинной ментальности, связанной с метафизическими основаниями народного сознания в его целостности и мозаичности.

Естественно, на этом пути возникает проблема методов исследования. Это отдельный сложнейший вопрос. Представляется, однако, что при создании картографии культурно-генетической памяти (в многообразии указанных выше форм существования

образной сферы на уровне групповых социальных представлений) методы работы с культурологическим материалом, существующие в истории психологии и исторической психологии (Кольцова, 2008), все же способны помочь осмыслить указанный круг проблем.

Изучение проблемы ментальности группового субъекта предполагает учет выбора им путей своего развития. Этот выбор может быть осознанным, но, чаще всего, он неосознанный – в силу неадекватности социального восприятия людей и игнорирования или непонимания ими реалий «мира Духа». Поскольку на выбор влияет все богатство человеческой коммуникации, не должен быть исключен из анализа и метафизический фактор – общение человека с духовным миром, сферами идеального бытия, переживание и понимание нравственных и божественных смыслов (Гостев, 2007а; 2008; Гостев, Елисеев, Фомин, 2006).

Согласно богословского учения, Промысел Божий помогает выбору людьми путей добра, таинственно и непостижимо рациональной мыслью оставляя им свободу выбора зла и ухода от исполнения заповедей Нравственного Закона (т.е. духовных законов мироздания). Естественно, мы не будем переходить границу науки и теологии, однако, заметим, что знание о данном аспекте детерминации общественной жизни людей, верящих в существование высших сил, психологическая наука не может не учитывать, например, при изучении закономерностей целеполагания субъекта и его реакций на обратную связь от сделанного выбора. Выражаясь научным языком, это поможет нам понять то, что групповой субъект реализует свой исторический путь на основе взаимодействия *свободы воли*, системы своей *культуро-генетической памяти* и заложенной многовариантной *духовной социогенетической* программы. Образная сфера социального субъекта (как система образов его коллективного сознания/неосознаваемого⁸) вместе с коллективной *волей*, коллективным искажением *эмоционально-мотивационной* и *духовно-нравственной сфер* (а это, в частности, проявляется в типичных для группового субъекта, например, народа, привычках, склонностях, страстях и т.п.), во-первых, влияет на происходящее, сама непрерывно меняясь под влиянием знаковых событий; во-вторых, определяет будущее через исторический выбор (несет в себе «социогены» развития); в-третьих, формирует качества самого группового субъекта (и его индивидуальных представителей), которые, организуя социальную среду, в свою очередь, также определяют социальные события.

⁸Напомним, что в систему культууро-генетической памяти мы включаем не только следы исторических «образов-записей», но и образы коллективного воображения, прототипические образы и пр.

Понимание природы образов культурно-генетической памяти упирается в нахождение ее механизма и носителя/субстрата. Помимо рассмотрения известных психологии способов передачи культурно-исторического опыта, оно предполагает поиск пока гипотетического для психологической науки глубинного, «тонкого» субстрата групповой социальной памяти, в частности, через раскрытие онтологического статуса таких концептуально неопределенных и метафорических терминов, как «групповые поля сознания», «групповая духовная атмосфера», «коллективная психосфера» («ноогенные матрицы», «эгрегорические структуры»). Подобные термины встречаются в философских и религиозно-мистических текстах, в трансперсональной психологии. Мы не затрагиваем вопроса об истинности/ложности оккультных теорий как целостных мистико-концептуальных построений. Православно-христианская традиция показывает их ложность и, соответственно, опасность полагаться на их выводы. Возможность фиксации опыта субъекта в необъясненной психологической наукой форме является инвариантным фактом для накопленного коллективного мистического, религиозного опыта человечества (подробнее см. Гостев, 2008).

Выраженные в указанных выше терминах реалии имеют природу «энерго-информационных полей», связанных с метафизической (сверхчувственной) реальностью и возникающих, например, над нациями, государствами, социальными группами (по различным основаниям, например, религиозным). Можно предположить, что подобные «поля» способны быть «образами-записями» об истории группового субъекта. Их энерго-информационный потенциал, изменяющийся под влиянием исторических событий, проявлений «коллективной воли» людей в поступках и образе мыслей, позволяет влиять на происходящие в социальной общности процессы, определяя ее будущее. В этом – основа понимания принципа «воздаяния за содеянное», механизма «оплаты по греховным счетам».

Православие – основа отечественной духовно-нравственной традиции

Роль национально-культурной духовной традиции в ментальности некоей этно-социальной общности является своеобразной аксиомой в религиозно-мистическом знании. В частности, трансперсональная психология обосновывает этот тезис, занимаясь поиском инвариантов духовного опыта⁹. Поэтому православно-христианскую традицию и порождаемые ею мировоззрение, мироощущение мы можем считать *основным образом в российской глубинной ментальности*, главным компонентом отечественной духовно-нравственной традиции (как бы противники курса «Основ православной культуры» не

⁹Например, в США в 1990-е годы мы наблюдаем резкое возрастание популярности индейского шаманизма. В Боливии сегодня даже обсуждается закон об обязательном почитании национальных богов.

спорили с этим). Без учета православного мироощущения, изучения актуального и потенциального православно-христианского сознания как главного компонента отечественной духовно-нравственной традиции любые концепции ментальности являются неполными и искаженными. В России все – от семейного уклада до государственного устройства – в течение многих веков определялось православной верой. Именно она дала русскому народу глубину познания мира и человека (Божественной реальности, «тайны спасения», общественной жизни), устремленность к добру, милосердию, правде, жертвенности. В то же время Православие одарило русского человека качествами воинов-защитников незаконно обиженных и оскорбленных (очень показательна известная фраза генерала М. Скобелева, которой говорил, что «только русские позволяют себе такую роскошь – воевать из чувства сострадания»). Православное восприятие мира, не отрывающее взгляда от сокровищ «не от мира сего» и дарующее от этого взгляда духовную созерцательность, несомненно, более глубока в познании действительности по сравнению с формами ее познания, исходящими из позиции «от мира сего».

Показательно, что измена Православию в той или иной форме приводила к историческим поражениям (история Русской Православной церкви это подтверждает).

Для раскрытия духовных основ российского менталитета в связи с православной традицией значимым является представление о некоем системообразующем «социогенном предначертании» будущего страны. Речь идет о многочисленных пророчествах, согласно которым Россия, в связи с определенной исчерпанностью и восточной, и западной культур (как об этом говорил Вл. Соловьев), в силу уникального опыта бытия на «перекрестке различных культур» и всех мировых религий сыграет важную духовно-нравственную роль в мире. Идея о «духовной исторической миссии» России содержится в русской философской мысли. Славянофилы, например, подчеркивали: история «святой Руси» движется Божественной Волей¹⁰.

В настоящий момент исторического бытия России ее духовная роль может показаться маловероятной. Но все же можно с достаточным основанием предположить, что «новый тип личности», объединяющий восточную иррациональность/интуитивность и западную рациональность потенциально более способен преодолевать и индивидуализм, и «стадность», порождать новые формы сообществ, находить большую гармонию между людьми, между человеком, обществом и государством.

Однако основная проблема признания таких возможностей заключается в неподготовленности сознания нации к осознанию роли православной традиции – ее не знают, а многие и знать не хотят (уподобляясь тем, кто «пилит сук, на котором сидят»).

¹⁰Вл. Соловьев справедливо указывал, что «идея нации» есть то, что Бог думает о ней в вечности.

Также подчеркнем, что духовная роль России должна осмысливаться с учетом изменений идеи во времени, содержания пройденного исторического пути, негативных моментов в национальной ментальности. Это поможет отделять «предначертанное свыше» от великодержавных амбиций, которые могут быть использованы в политических целях при манипулировании общественным сознанием. Следует отметить, что мотивы национальной гордыни можно обнаружить в содержании «мессианской идеи» любого народа. Это делает беспочвенными обвинения русского народа в шовинизме и другие абсурдные идеи, встречающиеся в СМИ.

В связи с духовной преемственностью Руси от Византии как основе становления российской цивилизации отметим полезную для социальной психологии и психологии личности богословскую идею (учение) о «Москве, как Третьем Риме». Суть этой идеи состоит в том, что Москва – духовная наследница, восприемница и отпавшего от истинного христианства первого Рима, и павшего второго Рима – Византии. Исторический образ Византии – один из базовых, но сегодня недостаточно осознаваемых элементов культурно-генетической памяти народа «Четвертому Риму не бывать», – говорили наши предки. А в «конце времен», согласно многочисленным святоотеческим пророчествам (а они играют роль антиципирующих образов в системе социальных представлений православных людей), именно «русское православное царство» выступит преградой воссозданному антихристианскому царству неоязыческого «Первого Рима», который возглавит Антихрист. Таким образом, самосознание «хранителя традиции» даже при его слабости и недостаточной рефлексии – несомненно, важнейший фактор менталитета российской нации.

На потенциальный «русский православный мессионизм» указывают (прямо или косвенно) различные философские и религиозные доктрины в прошлом и настоящем, а также пророчества отдельных известных прорицателей (например, Кейси, Ванги). В Индии и Тибете Россию называли «духовным сердцем мира». Это очень важное сравнение, ибо особый накал борьбы сил добра и зла в нашей стране тогда становится понятен – это борьба за «сердце человечества». Даже в Европе, боящейся необъятных российских просторов, есть симпатизирующие русской душе, признающие потенциал высшей духовности на фоне «заката Европы» (Гердер, Шпенглер, Шубарт).

В тоже время необходимо учитывать, что многие пророчества носят оккультный характер, и потому далеки от православного понимания роли России, именно как «Третьего Рима». Они лишь чувствуют некую общую «духовную идею России», не связывая ее с православным возрождением нашей страны. Опасность здесь заключается в

том, что на Россию могут быть спроецировано ложное духовное знание, связанное с серьезными искажениями духовных смыслов.

Вместе с тем, важный момент, который нужно учитывать при изучении российской ментальности, оппозиционный идее о духовной роли России в мире, – *традиционно отрицательный образ России на Западе*, порой доходящий до русофобии. Запад не принимал Русь за ее нежелание быть под папской властью. Россия как восприимчивик византийского Православия самим фактом своего существования указывает западному миру на нелегитимность узурпации апостольской традиции и «имперскую духовную экспансию». Не вдаваясь в эту тему, вместе с тем подчеркнем ее значимость для изучения «глубинной российской ментальности». Именно из западной русофобии вытекает такая запись в нашей культурно-генетической памяти, как противодействие отрицательному отношению к России и многовековым нападкам на ее культуру и духовность. Она имеет две формы своего существования: во-первых, вытекающая из евразийскости социального пространства *про-западность*, о которой мы говорили («полюбим Запад, и это поможет не обижаться на русофобию» – таков этот вариант решения когнитивного диссонанса); во-вторых, *анти-западность* как естественная реакция на ложные и унижительные оценки, оскорбления отечественных святынь (особенно в связи с православной верой). При этом следует понимать, что анти-западность может быть зафиксирована в виде не только противостояния западному, но и существовать в виде образов «вместо-западности». Таким образом, речь может идти о наличии про-западных форм ментальности при определенном отрицании западного. Это порождает достаточно уродливые формы социальной жизни, не аутентичные внутренней «русской идее». Подражательство Западу при его же отрицании будет, несомненно, отличаться от осознанной и бескомпромиссной прозападности. Но прозападность может быть и принятием русофобии – отсюда корни некоего «комплекса неполноценности русских», о котором часто говорится: люди могут соглашаться, что, действительно, «мы плохие и варварские».

Говоря о духовно-психологических различиях между Россией и Западом (во взглядах на внешнюю и внутреннюю жизнь человека, особенно на ее смысл), подчеркнем асимметричность взаимной осведомленности и взаимопонимания России и Запада. Западный жизненный уклад более или менее понятен нам ввиду представленности западных идей в истории российской интеллектуальной культуры, а в последнее время благодаря усиленной пропаганде в России западных ценностей. Архиепископ Никон

(Рождественский)¹¹ подчеркивал, что русские люди, привыкли с детства считать западных соседей народами передовыми, культурными, просвещенными, в то время как они на нас смотрят «свысока как на варваров», духовно презирая нас и не понимая Православия. А.С. Пушкин же писал, что Европа в отношении России всегда была невежественной и неблагодарной. Русское мировоззрение, народные традиции, особенности государственной и общественной жизни глубоко чужды западному мировоззрению; в нем укоренились их отрицательные оценки. В высказываниях иностранцев, посещавших Русь, чувствуется недоброжелательность. Европейцы приписывали русским все общечеловеческие пороки. Путевые очерки иноземных гостей содержали выдумки, сплетни и клеветнические слухи, порождающие на Западе неприязнь к России. Но это были «бесстыдная ложь» и «наглая злоба», по выражению А.С. Хомякова¹².

Показательно, что негатив в адрес России всегда усиливался, когда она обретала или усиливала державное могущество. Отрицательные оценки связаны с традиционной для Запада антироссийской пропагандой. Вместе с духовной апостасийностью это не позволяет достичь адекватного понимания России и «человеком Запада», и отечественным «современным западникам». Следует указать и на «комплекс западнцентристского миропонимания»: тяжело осознавать, что Запад был многовековой культурной периферией для Византии. Этот комплекс питает западное неприятие России и по сей день¹³. Таким образом, исторически сложившееся непонимание России Западом правомерно рассматривать как важный элемент нашей ментальности, по крайней мере, в ее «державно-почвенической» составляющей (понятно, что подобные образы культурно-генетической памяти будут различными у «западников» и «державников»). Данная историческая запись в нашей культурно-генетической памяти позволит лучше понять протест российского общества против духовной и физической экспансии Запада во все времена (шведов, поляков, французов, немцев). Действительно, это значимые следы в памяти народа, которая помнит не только образы «прогрессивной Европы» от 1612, 1812, 1941 гг., но также вероломный удар крестоносцев по Константинополю и зверские убийства монахов Святой Горы Афон, «гуманитарные бомбардировки» Сербии и иные современные проявления западной экспансии в мире. Но российская историческая память запечатлела важный факт: «просвещенные орды» всегда получали решительный отпор, и эта идея укрепляет национальный дух русского народа.

¹¹ Архиепископ Никон (Рождественский). Гордыня и русофобия у западных христиан, 1912. [Электронный ресурс] www.dorogadomoi.com/dr164nik.html

¹²О «давних недругах» России (и) Святой Руси, в XX в. писали И.А. Ильин, свт. Игнатий Брянчанинов. Европейские народы всегда старались делать ей зло, и в будущем они будут следовать этому же, отмечал Игнатий Брянчанинов. Сегодня о современной русофобии пишут православные историки.

¹³Наш «Восток в себе» – это Византийский Запад, ибо Запад в то время был варварским.

Менталитет и проблемы национальной психологии русского народа

Для изучения российского менталитета необходимо осмысление особенностей глубинной национальной психологии. В ней можно усмотреть важные характеристики, например, штрихи некой идеалистичности, и применять термины «русская мечта», «русская надежда» и т.п. Отечественная духовно-нравственная традиция исходит из стремления к единству людей, свободных в истинном духовном смысле. Заметим, что «русская мечта о все-человечестве» появилась задолго до того, как интеграционные тенденции стали осознаваться на Западе¹⁴. Наша духовная традиция отражает мир, исходя из «чувства мы»: первое движение «русской души» – отношение к другому человеку как к брату. Этим Российская Империя отличалась от всех других: в окраины метрополия вкладывала огромные средства, развивая их, а не «высасывая» все их жизненные соки.

При анализе глубинно-психологических характеристик народа Святой Руси (до татаро-монгольского ига) славянофилы выделяли «суд по совести», ценности духовной, скромной жизни, смирения, кротости, самопожертвования, свободных, дружелюбных отношений между сословиями и людьми. Так, в Киевской Руси князья были «первыми среди равных» и т.д. Русская духовность отражается свободным Новгородом, а не боярской Русью или имперской Россией.

Русская православная душа неосознанно стремится к преодолению «западного» (об этом говорили не только славянофилы, но и другие, например, Шпенглер). Она чувствует, что основания и принципы «прогресса цивилизации», приведшие к современному духовно-нравственному кризису планетарного масштаба, – «не от Бога». Человечество, зараженное бесполезным для души потреблением и многоликой похотливостью неизбежно создает цивилизационный тупик. Будем надеяться, что западно ориентированный «политкорректный паразит» с возрастающими искусственными потребностями, уничтожающими ресурсы планеты и реализующий ничем и никем не ограниченное «эго», вольготно поселился в российской ментальности временно. Духовный потенциал России связан с не привязанностью человека к материальным благам. В православном мироощущении есть чувство, что в богатстве задыхается истинная духовная свобода. В этом можно усмотреть причину отторжения в обществе навязываемых ему ценностей либерализма. «Православный след» в каждом из нас, как минимум, неосознанно ощущает, что либерализм – это идеология, ставящая своей конечной целью «развенчание» Евангельских истин и подмену их ценностями стяжательства, сребролюбия, «похотей плоти», а также другими характеристиками «низшего Я», выдаваемыми за выражение свободы человека.

¹⁴Искажение именно этой идеи привело к тому, что коммунистическая идеология нашла почву в России.

В отличие от озабоченности Запада вопросом организации сытной и комфортной жизни, «русская православная идея» всегда настойчиво искала ответ на вопрос, «зачем жить» и ставила целью обретение святости. Запад подарил человечеству комфортный мир предметов, но коммерциализировал человеческие отношения. Устремленность «отбренного мира» способна помочь «внутреннему человеку» в каждом из нас (хотя и в ущерб внешнему успеху).

Разное понимание человека и его роли на земле дало разные толкования свободы. Важная характеристика влияния православной традиции на национальную психологию – *стремление к истинной внутренней духовной свободе человека*¹⁵, означающее освобождение от власти низменных страстей и желаний. Поэтому особая тема – *свобода от страстей, а не для страстей*. Окружающий человека мир (социальная действительность в современной терминологии) понимается в Православии как «сосредоточие греховных страстей». Евангелие учит не любить мир именно в этом понимании – как «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую». Русский человек испокон веков ценил свободу духа выше формальной правовой свободы; он наслаждался свободой своего пространства, стремился к вольности безгосударственного быта и расселения, добродушно уживался с другими народами, и, если бы его не тревожили, то он не брался бы за оружие. И.А. Ильин отмечал, что русское самосознание добродушно и ждет от другого человека искренности, которой европеец стыдится как «глупости». Европейская же ментальность в своей глубине презирает другие народы, и желает властвовать над ними, требуя внутри государства формальной «свободы».

Отметим и такую характеристику как *сила и глубина веры*. Православное христианство не приемлет формальной связанности человека с Богом или самоутраченной мысли, что «Бог в душе», и этого достаточно, чтобы не изменяться и не выстраивать жизнь строго по Заповедям Божьим. Главной же идеей, связанной с глубиной веры, является «жертвенность». Без Крестной Жертвы нет Возрождения. Поэтому главный церковный праздник на Руси – Пасха. «Жертвенность» питается также переживанием греховности. Инославное же христианство неосознанно боится сильной веры, требующей глубокого самоотречения. Борьба с грехом также давно ослабла или даже прекратилась вовсе. Инославный христианин надеется на свои добрые дела, видя в них, а не в истинной вере источник прощения в будущей, неземной жизни.

¹⁵Необходимо, однако, осмысливать взаимоотношение этой характеристики с историческим опытом происхождения государственного деспотизма.

Лингвистический аспект проблемы

Наличие в образной сфере личности и имаго-сфере общества понятийной составляющей позволяет выделить следующий важный аспект в изучении феномена ментальности группового субъекта – выражение мировоззрения народа в словах. Эти понятийные компоненты очень устойчивы. В русских пословицах, например, отразилась глубокая искренняя вера во всемогущество Промысла Божия. Но неправильный перевод с церковно-славянского искажает ключевые понятия православного самосознания. Укажем на некоторые области таких искажений (по исследованиям Т. Мироновой).

1. В Евангелии слова Иисуса Христа *«Все бо приемшии меч, мечем погибнут»* (Мф. 26, 52) толкуют в качестве запрета употреблять меч даже в качестве защиты. Но *«приемший меч»* означают *«поднять оружие первым»*, т.е. погибает тот, кто *напал с оружием*. Запрет на противление злу силой в случае мести личному врагу не распространяется на противление врагам Божиим и врагам Отечества (более того, грехом является отказ от защиты ближнего от таких врагов).

2. Неточным является перевод строк из Посланий апостола Павла: *«Несть власть, аще не оть Бога, сущия же власти оть Бога учинены суть»* русским вариантом *«Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены»* (Рим. 13:1-3). Смысл данных слов означает: не власть, если не от Бога; слово же *сущий* означает *подлинный, истинный*.

3. Искажения видны и в понимании молитв. Например, в молитве *«Отче наш»* есть слова: *«но избави нас от лукаваго»*. Слову *лукавый* придан игривый смысл, хотя в этом слове выражена идея *искривления пути* к Господу. Другая иллюстрация показывает искажение «градуса веры». Когда к Матери Божьей мы обращаемся *«Теплая Заступница рода христианского»*, надо знать, что *«теплая Заступница»* по-славянски означает *«горячая Защитница»*. Иллюстрацией искажений могут быть и слова молитвы свт. Иоанн Златоуста: *«Господи, избави мя от всякаго неведения и забвения, и малодушия и окамененнаго нечувствия»*. Но *неведение* – это бессовестность, *забвение* – утрата памяти о Страшном Суде, а *малодушие* должно пониматься буквально, когда в человеке мало души, и в нее не вмещается мысль о Боге. Также в молитвах мы часто просим дарования *«терпения и любви»*, но *терпение* – это благоговейный *трепет* перед Господом. В молитве св. Ефрема Сирина говорится об избавлении от *духа праздности*, но *праздный* по-славянски не значит *«сидящий без дела»*, но *опустошенный*, т.е. состояние, когда в душе нет Бога.

4. Искажение вкрадывается и в понимание центрального святоотеческого понятия «покаяние», которое неравнозначно признанию вины на исповеди. Слово *«каять»* – это

назначать цену, выкуп за грех. *Окаянный* – это человек, который обязан искупить грех, а *покаявшийся* – это тот, кто заплатил должную цену за свое преступление.

5. Искажено также понимание Заповедей. Третья Заповедь: «*Не приемли имене Господа Бога твоего всуе*» переводится как «*не произноси имени Господа твоего напрасно*». Но *всуе*, означает запрет поминать имя Божие *в суете*, без молитвы. Поскольку *напрасно* по-русски – это *без пользы*, подсознательно усваивается прагматический смысл обращения к Богу. Пятая Заповедь: «*Чти отца и мать твою, да благо ти будет*» переводится «*почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе хорошо было*». Но «*Да благо ти будет*» не соответствует «*чтобы тебе было хорошо*». *Благо* – это высшее добро от Бога. Русским же переводом внушается мысль, что почитание родителей влечет за собой земное благополучие, а не благословение Божие. Седьмая Заповедь: «*Не прелюбы сотвори*» переводится как «*не прелюбодействуй*». Но сотворить *пре-любы* означает измену любви (переступание через нее). Значение заповеди глубже, чем только предостережение против супружеской неверности.

6. В исправлении перевода есть резерв для углубления понимания греховных страстей. Слово *гнев*, например, родственно слову *угнетать* (печалить) ближнего, в частности, *печь его душу*. Слово «*наглый*» означало способного обнажить на людях (т.е. в духовном смысле расписаться в отсутствии на себе покровы благодати)¹⁶.

7. Важная характеристика ментальности народа – его *самоназвание*. Славяне – это «народ Слова» (заметим, в этой связи, что Православие предполагает правильное несение Слова Божьего). Слово «русский» восходит к словам «белый, светлый» (Русь – буквально «белый свет», т.е. русы – это народ Света (это обосновал академик О.Н. Трубачев). Но как искажается сегодня ментальность людей, когда именем русский называют то, что русским не является: «русское лото», «русский банк», «русское радио», «русская мафия». Появился даже проект захоронения ядерных отходов «Русь».

8. Коренным в русском национальном самосознании является слово «*свой*» (О.Н. Трубачев), идея *своего* как лучшего, доброго, правильного, богоугодного. Отсюда возникает образ особой ценности Родины. Поэтому, в каждом старике люди привычно видели отца, в ровеснике – брата, в девушке – сестру. Вспомним обращения к чужим людям: «*отец*», «*мать*», «*сестренка*», «*братишка*», «*сыночек*», «*дочка*». Умение различать «своих» и «чужих» – это антиномия всечеловечности русской природы. Образ *своего-чужого* повлиял на базисные представления русских людей. Заметим, например, что счастье по-русски – это *своя* часть в жизни человека. А у китайцев, например, иероглиф

¹⁶Духовный смысл библейского сюжета о грехопадении показывает нам, что именно после него Адам и Ева увидели, что они наги, ибо до этого они ходили, как облеченные в покров благодати. Очень полезно этот духовный смысл знать всем современным бесстыдным полураздетым модницам.

счастья – свинья под крышей (теплый хлев, сытость и т.п.). В то же время следует учитывать и то, что понятие *свой* как элемент ментальности рождало, к сожалению, позицию «моя хата с краю».

9. Отметим и роль в российской ментальности блатного жаргона, в котором многие слова имеют оскорбительный смысл, не до конца понимаемый людьми. *Быдло*, например, означает *скот, приуготовленный к убою*. *Пацаны*, в переводе с идиш, – это *рабы, слуги*. Выходцев с Кавказа часто называют *хачиками*, не зная, что мы невольно ругаем христианство, ибо *хач* по-армянски означает крест, а *хачик* – это *христиан*.

10. Есть поговорка «Русский крепок на трех сваях – *авось, небось, да как-нибудь*». Но надо знать, что слово «*авось*» возникло из слов «*а во се*», что значит «*а вот так*» (в смысле человек крепко стоит на своем); «*небось*» – это «*не бо се*», что означает «*нет, не так*», или «*как бы не так*», т.е. стремление действовать наперекор обстоятельствам жизни. Слово «*как-нибудь*» означает достигать цели, чего бы это ни стоило. Поэтому мысль о том, что «*русский крепок*» на указанных трех сваях обретает иной смысл, и история России показала это. Русская жизнь – всегда ход против течения, вопреки невзгодам, предательству, наперекор оккупанту: любой ценой вражья сила одолевалась.

Вместо Послесловия

Итак, предстоит критичное самопознание и тяжелая работа по самоочищению коллективного сознания/неознаваемого нации. В коллективной памяти народа необходимо активизировать все положительное, усилив нравственно-психологические ценности на пути духовного развития, очистив их от отрицательных влияний, приобретенных на историческом пути. Необходимо сформировать иммунитет против них. Следует учитывать, что «болезни Запада» подхватываются легко, а переносятся тяжело, ибо у нас нет западной умеренности, прагматичности.

Необходимо избавиться, в частности, от максимализма. Например, стремление к абсолютной Истине во всем способно привести к жизни во лжи. Надо найти оптимальное сочетание противоположных свойств: святость/аморальность, героичность/покорность, трудолюбие/лень и т.п., в идее «потенциального братства» избежать притупления чувства ответственности (всеобщая безответственность характерна для русской национальной психологии и имеет свои глубокие корни).

Сегодня актуально избавиться от неадекватных апокалиптических установок – как некоего неосознанного желания присутствовать при гибели «грешного мира» в результате божественного наказания. Причем, порой эта искаженная эсхатологическая «мечта» сочетается с идеей возможности обретения Царствия Божьего *на земле* (именно последнее

неосознанно питало «революционный энтузиазм»¹⁷. С неосознанным стремлением к концу мировой истории связан и нигилизм. Даже «русская мечта» о бессмертии не на земле, а в «Царстве Небесном» влияла на формирование неадекватных апокалиптических мотивов, и через них во многом определило наше отношение к ценности человеческой жизни и достоинству людей, привело к перечеркиванию высоких целей безнравственными средствами, допустило идеи возможности человеческих жертв ради большинства или «великих целей», оправдания насильственного «осчастливливания», бесцеремонного введения в мир социально утопических «высших смыслов», ради которых мир может быть принесен в жертву. Подобные идеи должны стать ключевыми нравственно-философскими вопросами в осмыслении российской ментальности. В то же время только в Православии сохранена святоотеческая эсхатология, дающая выраженные ориентиры оценки мировой апостасии на основе глобального прельщения человечества. Историческая память народа несет эти ориентиры, если их правильно вычленишь и понять.

Православная традиция возрождается – часто с искажениями, под влиянием псевдорелигиозных сект и неоязычества, недругов снаружи и антихристианской «пятой колонны» внутри. Но остановить этот процесс вряд ли удастся. В то же время процесс духовного возрождения России не произойдет сам по себе. Необходимо обращение каждого россиянина к поиску высших нравственных духовных ценностей в своей жизни. В православном мире известна фраза: *«Россия спасется только покаянием»*. Глубокое покаяние как изменение мировосприятия и жизни – даже вне религиозного контекста – способно разбудить спящую совесть и подарить человеку вновь-обретение забытого Нравственного Закона.

Среди проблем, которые придется преодолеть на пути «выздоровления» российского общества и возрождения духовной России, способной воплотить пророчества о своей роли в жизни планеты, предстоит найти государственную идею и государственную форму, соответствующую глубинной ментальности. Все современные социально-политические ценности в России должны пониматься в связи со спецификой духовных источников и закономерностей «русской ментальности».

В вопросах изучения российской ментальности и поиска соответствующим ей формам участия граждан в управлении государством полезно обратиться к наследию И.А. Ильина, который подчеркивал, что осмысление русской культуры как православной является принципиальным условием адекватного понимания развития России, познания ее

¹⁷Иногда говорят о «детскости» русской души, связанной с метафизической тягой ребенка к «сказочному миру». Совпадение этой черты с надеждой на обретение «Царства небесного» *на земле* исказило след в ментальности народа православной эсхатологии, породив революционный советский энтузиазм земного райского мироустройства.

роли в мировой истории. Выдающийся философ глубоко обосновал православную природу национального русского самосознания.

Россия должна самоопределиться по отношению к целям и ценностям собственной и мировой истории, обрести равновесие между национальным и универсальным, научиться ценить духовное наследие, прекратить саморазрушение, воспрепятствовать уничтожению национальных суверенитетов и построению однополярного мира, управляемого наднациональным правительством.

В России могут быть безбожие, духовно-нравственные искажения в народе. Но нельзя уничтожить в глубинах культурно-генетической памяти народа знания о том, что Россия не только его дом, но и Дом Пресвятой Богородицы. И это главная, концептуальная основа в изучении ментальности, которую психологическая наука должна учитывать.

Литература

Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 7–78.

Гостев А.А. К вопросу о механизмах формирования представлений человека о социальных явлениях // Актуальные проблемы социальной психологии. Ч. 3. Кострома, 1986. С. 25–26.

Гостев А.А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М., 1993.

Гостев А.А. К проблеме системного изучения «Российского сознания» в переходный период развития общества // Психический образ: строение, механизмы, функционирование и развитие. Т. 1. М., 1994. С. 70–72.

Гостев А.А. Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы. М., 1998.

Гостев А.А. О проблемах становления религиозно ориентированного психологического знания // Психология. 2007а. № 4. С. 35-45.

Гостев А.А. Психология вторичного образа. М., 2007б.

Гостев А.А. К проблеме целостного изучения «славянского сознания» в переходные периоды исторического развития // Материалы V Международной научной конференции «Менталитет славян». Гомель, 2007в. С. 314-316.

Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.

Гостев А.А., Елисеев В.А., Соснин В.А. Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4 «Методологические проблемы историко-психологического исследования», М., 2002. С. 39-66

Гостев А.А., Елисеев В.А., Фомин А.Г. К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий. В кн. История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. // Материалы конференции по истории психологии «IV Московские встречи». М., ИПРАН, 2006. С. 177–187.

Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1996.

Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Лондон-Канада, 1975.

Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.

Ильин И.А. О грядущей России. М., 1993а.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.

Карасев Л.В. Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 18. С. 92–104.

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М., 2008.

Песков А.М. Германский комплекс славянофилов // Вопросы философии. 1992. № 18. С. 105–120.

Серова О.Е. Психологические аспекты духовно-нравственного учения о личности и народе И.В. Киреевского: Дис. ...канд. психол. наук. М., 2007.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. Основы психологической антропологии. Введение в психологию субъективности. М., 1995.

Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2008.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: «Русская идея, 2000.